

С. Максимов

**Рассказы из истории
старообрядства по
раскольничьим рукописям**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Максимов**
Рассказы из истории старообрядства по раскольничьим рукописям / С. Максимов – М.: Книга по Требованию, 2017. – 168 с.

ISBN 978-5-518-10512-6

ISBN 978-5-518-10512-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во всѣхъ сочиненіяхъ о русскомъ расколѣ, мы встрѣчаемъ одинъ весьма важный и существенный недостатокъ: это вообще недостатокъ знанія внутренней его жизни, объясненной въ такомъ поучительномъ и знаменательномъ обиліи въ сочиненіяхъ, писанныхъ самими раскольниками. До сихъ поръ, мы слышали только однихъ противниковъ раскола, не слыхали его защитниковъ и приверженцовъ; являлись только одни обвинители и судьи, не видно было самихъ обвиняемыхъ, не слышно ихъ оправданій. Оттого-то вообще такая неясность и запутанность понятій о самой сущности дѣла; оттого-то обнародованіе раскольничьихъ сочиненій столько же необходимо, сколько и полезно. Они одни въ состояніи выяснить окончательно этотъ туманный и запутанный вопросъ въ русской жизни,

который заурядъ съ московской земщиной, съ народными движеніями на Дону, Волгѣ, Уралѣ и въ Новгородѣ, представляетъ самыя яркія и законченныя картины въ русской исторіи: это едва ли не вся исторія русскаго народа.

Расколъ въ самомъ началѣ своего существованія — распространеніе сочиненій въ народѣ принялъ самымъ дѣйствительнымъ и надежнымъ средствомъ пропаганды. Сочиненій этихъ ходило въ народѣ великое множество. Главная цѣль первыхъ изъ нихъ былъ патріархъ Никонъ, какъ обвиняемый и какъ подсудимый. Протопопъ Аввакумъ написалъ нѣсколько посланій и статей, имѣвшихъ огромный успѣхъ въ народѣ и породившихъ даже особую секту, носящую имя протопопа. Вслѣдъ за Аввакумомъ писали: діаконъ Ѳеодоръ (посланія), черный попъ Ѳеоктистъ (объ антихристѣ), московскій архимандритъ Спиридонъ (о правой вѣрѣ), попы Никита и Лазарь (челобитныя), соловецкіе старцы Азарій и Геронтій (также челобитную, сдѣлавшуюся символическою книгою). Съ начала XVIII вѣка характеръ сочиненій этихъ измѣнился: всѣ

онѣ были направлены исключительно противъ правительства духовнаго и гражданскаго. У раскольниковъ завелась своя книжная торговля, лавки и библіотеки, типографіи и разнощики. Ревностнѣе всѣхъ другихъ явились два даровитыхъ писателя Денисовы (Андрей и Семенъ). Эти преимущественно занимались разработкою біографическихъ матеріаловъ о тѣхъ изъ поборниковъ старообрядства, которые, рѣзко выдѣляясь изъ толпы, произвели сильное и глубокое вліяніе на массу русскаго народа. На этомъ именно отдѣлѣ раскольниковыхъ сочиненій, мы рѣшаемся остановиться. Цѣль наша — прослѣдить за главными дѣятелями раскола по писаніямъ ихъ единомышленниковъ, безъ всякой предвзятой мысли и въ возможно-упрощенной формѣ. Заключеніямъ и выводамъ, мы даемъ мѣсто впоследствии.

На этотъ разъ останавливаемся съ особенною охотою на старца Корнилѣ, какъ на одномъ изъ ревностнѣйшихъ и счастливейшихъ распространителей раскола. Онъ почему-то былъ незамѣченъ всѣми писавшими о русскомъ раско-

лѣ, и даже въ самыхъ поименныхъ перечняхъ раскольниковыхъ проповѣдниковъ, имя его было пропущено. А между тѣмъ вотъ что разсказываютъ объ немъ.

I.

Ш О В Ъ С Т Ъ

ДУШЕПОЛЕЗНА О ЖИТІИ И ЖИЗНИ

ПРЕПОДОБНАГО

ОТЦА НАШЕГО КОРНИЛІЯ,

наже бысть на Выгу рѣцѣ близь озера Онега,

*написанная подѣ диктовку самого старца сожителемъ
и ученикомъ его Пахоміемъ, жившимъ также на Выль
рѣкѣ (¹).*

Въ дальныхъ и темныхъ ветлужскихъ лѣсахъ живетъ старецъ Капитонъ и съ нимъ, подѣ его началомъ, еще тридцать иноковъ. Разъ является къ Капитону юноша, кланяется ему въ

(¹) На принадлежащемъ мнѣ экземплярѣ приписано въ концѣ житія: «сіе переписано съ самого его инока Пахомія руки». Книгу эту приобрѣлъ я въ Пустозерскѣ, на рѣкѣ Печорѣ.

ноги, просить благословенія и молитвъ. Капитонъ, *имѣя чинъ священства, благословляетъ его рукою* и говоритъ:

— Богъ да благословитъ тя, чадо!

— Откуда еси, коего града и отъ коея веси?

— Азъ родихся на Тотѣмъ рѣцѣ, земледѣльца отца сынъ; пятнадцать лѣтъ остахся единъ, обучихся грамотѣ.

— Что есть имя твое?

— Имя мое Кононъ.

— Чего ради сѣмо прииде?

— Придохъ сѣмовидѣти твое преподобіе, отвѣчаетъ Кононъ и, припавъ къ ногамъ Капитона, говоритъ ему:

— Молю тя, честный отче, да приимиши мя въ сожителство братіи твоей и сотвориши мя инока: на се бо придохъ.

— Чадо Кононе! — отвѣчалъ ему Капитонъ, — Богъ да исполнитъ желаніе твое, яко Самъ хочетъ, но понеже юнъ еси и не можешь здѣ трудовъ иночества понести, понеже и мѣсто сіе пусто есть и кромѣ всякаго утѣшенія. Но даю ти совѣтъ благъ: да идеши въ Корниліевъ-мо-

настырь комельскаго, и тамо ты примуть съ любовію и инокъ будещи и угодная Богу и себѣ полезная ко спасенію души своей устроиши...

Но Капитонъ все-таки прожилъ тутъ только два мѣсяца. Что заставило его оставить родную деревню—неизвѣстно⁽²⁾; за то причиною оставленія новаго мѣста жительства послужила строгость постничества и общежитія Капитона съ братією: самъ Капитонъ обложенъ былъ тяжелыми желѣзными веригами; томилъ себя постомъ и поклонами: ѣлъ въ два дни немного сухаго хлѣба и *сурово земіе* по захожденіи солнца. Онъ мало спалъ и все время проводилъ то въ пѣніи псалтыря, то въ работахъ. вмѣсто свитки носилъ *запонъ* по поясъ, плечи покрывалъ мантиею до пояса же, на ребрахъ не спалъ, но всегда сидя или стоя.... Того же требовалъ старецъ и отъ другихъ иноковъ.

(2) Авторъ житія въ этомъ случаѣ говоритъ, что у Корнилія былъ двоюродный братъ Михаилъ, который совѣтовалъ ему жениться, но что Кононъ «всегда любяше иноческое житіе и аще обрѣташе гдѣ какова либо инока, вопрошаше его о спасеніи души и како спастися возможно, и мысль свою открываше во еже иночествовати желаше».

И вотъ Конона уже у воротъ Корниліева-монастыря опрашиваетъ вратникъ: откуда, и зачѣмъ пришелъ онъ?—и ведетъ къ игумену.

Игумень назначаетъ Конону двухгодичный искусь, и черезъ годъ постригаетъ его въ монахи съ именемъ Корнилія, отдаетъ его старцу Корнилію же именемъ, у котораго нашъ Корнилій живетъ 24 года. Вскорѣ по постриженіи онъ назначается въ пономарскую должность. Когда умеръ наставникъ—для Корнилія, съ благословенія игуменскаго, настаетъ время долгихъ и многихъ странствій. Онъ скитается изъ одного монастыря въ другой, включивши себя такимъ образомъ въ то огромное число странниковъ-шатуновъ, которые толпами ходили по монастырямъ въ то счастливое, безпечальное время.

Былъ онъ въ Кирилловомъ и Сергіевомъ монастыряхъ, дошелъ до Москвы: былъ у Спаса на Новомъ, жилъ въ Симоновѣ, въ 7120 (1612) г., при царѣ Михаилѣ, въ то время когда находился въ Москвѣ прибывшій изъ Іерусалима патріархъ

Оеофанъ (³). Изъ Симонова Корнилій перешель жить въ Чудовъ монастырь, и затѣмъ опять въ Сергіевъ. «Піянства же и празднословія гнушавшаяся отъ дѣтства и до кончины житія своего весьма сего сохраняяся», знаменательно прибавляетъ авторъ. Предлагали Корнилию санъ священника: онъ отказывался, но два года затѣмъ пекъ у патріарха Іосифа хлѣбы. Искусство его въ этомъ родѣ дошло до того, что когда онъ очутился въ Новгородѣ, тамошній митрополитъ Афоній велѣлъ ему печь для себя по семи хлѣбовъ ежедневно. При немъ умеръ Афоній, и когда Корнилій пришелъ во второй разъ въ Новгородъ, на мѣстѣ Афонія былъ уже Никонъ, будущій злѣйшій врагъ Корнилія, но теперь ласкавшій его и любимый имъ.

— Что ты вѣдаешь, Корнилій? Никонъ-ми-

(³) Въ этомъ мѣстѣ авторъ житія, инокъ Пахомій, прибавляетъ отъ себя слѣдующее: «азъ окаянный и многогрѣшный отъ десницы его благословенія сподобихся пріяти — и своимъ очима извѣстно и достойно видѣхъ, яко весьма благогоушно и хриstopодржательно двѣма персты люди благословляше и самого ся знаменоваше».

трополить — антихристъ!—говорилъ ему разъ какой-то Пименъ черной дьяконъ, пришедшій изъ Соловецкаго монастыря (*).

— Бѣснуешься, такъ глаголеши! отвѣчалъ ему Корнилій.

— Идемъ и посмотримъ, како людей благословляетъ; и видѣхомъ извѣстно, яко по новому, а не тако, яко же прежніе святители благословляли!—говорилъ между тѣмъ Пименъ.

Корнилій, удостовѣрившись въ показаніи дьякона, пересталъ ходить подъ благословеніе митрополита. Никонъ замѣтилъ это:

— Корнильюшко, чесо ради ко благословенію не ходиши?

Корнилій промолчалъ.

— Хощеши ли убо сотворю тя игумена въ Деревяницкой-монастырь?

Корнилій отказался, но вскорѣ уже говорилъ

(*) Пименъ этотъ бѣжалъ въ послѣдствіи изъ монастыря Соловецкаго, во время его осады, и поселился близъ города Олонца, въ такъ называемомъ Березовѣ-наволоктѣ, и потомъ сожженъ въ 1677, августа 9-го, въ числѣ будто бы 1,200 человекъ (??!).